

Было у старика три сына. Выросли сыновья молодец к молодцу, в руках силы не меряно, волосы кудрявые, на щеках румянец играет. Вот однажды отец и говорит:

— Скоро вас женить пора, тесно всем в старом доме станет. Надо новый дом сработать.

Принялись они за дело. Брёвна таскали — ухали, сруб ставили —

песни пели, крышу крыли — перешучивались. Долго ли, коротко ли — сработали дом.

— Ну, сыночки, — сказал старик, — доброе мы жильё изладили. Теперь бы узнать-угадать, каково нам там житься будет.

И послал старшего сына в новом доме ночь переночевать.

Дал ему с собой хлеба, и соли дал, и воды кружку. Велел всё на стол поставить и скатёркой прикрыть, а потом лечь спать да получше сон запомнить. Каков сон увидится, то и сбудется.

Старший сын по сказанному как по писаному всё исполнил.

Ночь переночевал, сон увидел, утром вернулся.

— Видел я, батюшка, — рассказывает, — полный двор поленниц, а в доме в печи огонь горит ясным пламенем.

— Это хороший сон, — отвечает отец. — Тепло жить будем.

На вторую ночь среднего сына посылает.

Тот в новый дом пришёл, хлеб, соль да воду в кружке на стол поставил, скатёркой прикрыл. Потом на лавку улёгся.

Всю ночь проспал до ранней зорьки. Утром вернулся, свой сон рассказывает:

— Снилось мне, что печь натоплена и жар уже в зажёток выгребли. А та лопата, что ты, батюшка, намеднись вытесал, так и скачет сама хлебы в печь сажает, а навстречу ей готовые караваи выпрыгивают. Пышные, румяные.

Отец обрадовался:

— Ну, значит, сытно заживём!

На третью ночь настал черёд младшего сына, Ивана.

Отец и ему хлеб, да соль, да воду в кружке дал.

Отправился Иван в новый дом. Хлеб на стол положил — хлеб на пол скатился. Солонку поставил — соль рассыпал. Из кружки вода расплескалась. Всё неладно!

Лёг он на лавку, шапку под голову сунул. Спит не спит, а сон видит. Не в старом он, не в новом доме — в чужом месте. Лежит по рукам, по ногам связан, шевельнуться не может. Вдруг, откуда ни возьмись, змея к нему ползёт, а с другой стороны лисица подбегает. Змея пасть разинула, зашипела. Силится Иван вскочить, да не может. Тем временем лисица острыми зубами принялась путы перегрызать. Только не успела. Распрямилась змея, что калёна стрела, и откусила Ивану правую ногу по колено. Тут спали сами собой с него путы, встал он на одну ногу, змею ударил. Мигом спала со змеи змеиная кожа, и явилась на свет девица-красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать. И лисичка девицей обернулась. Такой милой, такой пригожей! Хотел Иван ей слово ласковое промолвить, да проснулся...

Покрутил головой, домой пошёл.

Отец спрашивает:

— Ну, что тебе привиделось?

А Иван отвечает:

— Не скажу, пока сон не сбудется.

Отец его так и этак выпрашивает. Иван отмалчивается. Рассердился отец и закричал:

— Раз так, не жить тебе в новом дому! Уходи от нас!

В сердцах сказал, сам не думал, что сын взаправду уйдёт.

А Иван как услышал это, повернулся и ушёл.

Где ходил-бродил, долго ли, коротко ли странствовал, а остановился в одном городе. Нанялся там к купцу в работники. Что ни велит купец, всё в срок исполняет, ни от какой работы не отказывается. Хозяин новым работником не нахвалится.

Вот однажды купец спрашивает:

— Есть ли у тебя какая родня?

— А как же! — отвечает Иван. — Отец есть и братья. Да отец меня из дому прогнал.

— С чего бы так? — удивился купец. — Ты и работающий, и послушный..

Твоя правда, я отцу ни в чём не перечил. Только один раз не открыл сна, что мне приснился. Отец и разгневался.

— А что же тебе приснилось? — спрашивает купец.

Усмехнулся Иван и говорит:

— Уж если я родному батюшке не сказал, так не тебе меня спрашивать.

Тут и купец рассердился. Стал грозить, выпытывать. Видит Иван — не житьё ему здесь. Взял расчёт и пошёл новую работу искать.

Да не сразу нашёл: где ему хозяева не глянутся, где хозяевам работник не нужен.

И принесли его ноги к царскому дворцу. А как раз в ту пору царь из дворца выезжал на охоту. Никогда Иван в своём крестьянстве таких коней, таких пышных нарядов не видывал! Стоит, дивится. И царь его приметил. Залюбовался его статью, плечами широкими, русыми кудрями. «Аи да молодец добрый!» — подумал. Повернулся в седле, спросил:

— Ты кто таков? Как тебя зовут?

Крестьянский сын. Отродясь Иваном кликали.

— И меня Иваном нарекли. А лет тебе сколько?

— Вроде двадцать.

— И мне двадцать. Вон как всё сходится. Не пойдёшь ли ко мне в слуги? Будешь мне добрым товарищем. А то мне от старого царя, моего батюшки, все слуги-советники с седыми бородами достались.

— Отчего ж не пойти! — отвечает Иван.

Стал Иван — крестьянский сын царю Ивану службу служить. Служит верой и правдой. Что царь ни загадает, Иван наперёд исполняет, любое дело у него спорится.

Как-то разговорился с ним царь, стал расспрашивать. Ну, Иван — крестьянский сын спроста ему всё про себя и обсказал.

Любопытно царю.

— Так какой же ты сон увидел?

— Ох, не спрашивай, всё едино не открою. Отцу не сказал, купцу не сказал и тебе не скажу.

Царь дотоле хорош, доколе ему не перечат. А теперь разгневался, что его с простым мужиком, с хапугой купцом равняют, и велел Ивана в темницу кинуть.

Сидит Иван в темнице. А молодой царь тем временем жениться задумал.

У царя Ивана любимая сестра была, на один год младше, на десять лет мудрее. Вот царь Иван и говорит ей:

— Так и так, Марьюшка, слышал я, что за морем, на круглом острове девица-красавица Марфа-царевна живёт. Приходили к нам под парусами гости, заморские купцы, красу её расписывали. Поеду её сватать.

— Ох, братец Иванушка, — отвечает сестра. — Дорог журавль в небе, да ведь лучше синица в руки. Не ездил бы ты за море! Мало ли у нас девушек пригожих?!

А он своё:

— Нет, поеду.

Ну, так возьми с собой слугу твоего верного, Ивана — крестьянского сына. Ежели в чужой стороне беда-нужда приключится, он тебе подмогой будет.

— Возьму, коли сон свой откроет. Мне не сказал — может, тебе расскажет.

С чем пошла царская сестра в темницу к Ивану — крестьянскому сыну, с тем и вернулась. Говорит брату:

— Не сказывает, пока его сон не сбудется.

— Ну, так пускай сам на себя пеняет! — отвечает царь. — Я и без него обойдусь.

Собрался в путь-дорогу и пошёл на пристань. Под царским-де присмотром и корабль оснастят получше, и припасу возьмут, сколько надобно.

Проводила его до ворот сестрица Марьюшка и пораздумала: «Ой, лихо! В далёком пути, как на долгом веку, чего не случится. Ум хорошо, а два лучше. Будь что будет, послушаюсь брата, сделаю по-своему!»

И выпустила узника-потюремщичка Ивана — крестьянского сына.

— Догоняй тёзку, Иван. В удаче с ним будь и в беде не оставляй. Только смотри, спервоначалу на глаза ему не попадайся. Зол он на тебя.

— Что ж, — отвечает Иван. — Я на него сердца не держу, я ему верно служить обещался. Крестьянское слово — не царское, что сказал, то и выполню.

Пустился Иван к пристани. Да не наезженной дорогой через город, а потаёнными звериными тропами, напрямиком через лес. Бежит, поспешает.

Вдруг слышит голоса. Сердитые голоса, громкие, будто кто-то ссорится. Остановился, прислушивается. А рядом на суку ворона сидит и тоже слушает. Он ворону за хвост и под кафтан, чтобы каркнуть не вздумала. Сам тихонько подкрадывается.

Всё ближе, ближе голоса. Видит Иван — на маленькой полянке два мужика так спорят, что уж и до драки дело доходит. А рядом узелок лежит.

Иван их спрашивает:

— Чего, добрые люди, поделить не можете?

— Да вот, — говорят, — достались нам шапка-невидимка, сапоги-скороходы да скатёрка-хлебосолка. И не знаем мы, как три заветные вещи на двоих поделить.

— Так я вас рассужу, — сказал Иван. — Брошу камень, а вы за ним бегите. Кто первый его назад принесёт, тот первый и выберет, что захочет. А уж второй, не обессудь, возьмёт, что останется.

Согласились мужики.

Иван выхватил ворону из-за пазухи и швырнул её подальше в чащу. Полетела ворона, мужики за ней.

Ну, а Иван, не будь дураком, сунул ноги в сапоги-скороходы, шапку-невидимку — на голову, скатёрку-хлебосолку — за пояс, шагнул да семь вёрст разом и отмахал, на пристани очутился.

А царский корабль как раз в ту пору от пристани отчалил. Только теперь Ивану что! Сделал полшага, через семь волн перешагнул, на палубу ступил. Никто его и не увидел.

Корабль плывёт, на волнах качается. День прошёл, ночь пришла, ночь прошла, опять день наступил.

Истомился царь Иван, ходит по палубе, сам с собой разговаривает:

— Эх, кабы меч для богатырских плеч, кабы лук для сильных рук, кабы красна девица, чтобы на ней жениться.

А Иван — крестьянский сын в шапке-невидимке рядом с ним похаживает. Послушал, послушал, не удержался и сказал:

— Ох, смотри, принесут меч, да не хватит плеч, будет лук, да стрелять не с рук, будет и девица, да не просто на ней жениться.

Царь Иван оглянулся — нет никого. Ну, думает, прислышалось.

Проплыли ещё сколько-то времени и к острову причалили.

Только сошли на пристань, Иван — крестьянский сын шапку-невидимку снял, царю Ивану поклон отвесил. Царь Иван обрадовался.

— Вот теперь знаю, чей голос со мной на корабле говорил.

И на радостях забыл спросить, кто его из темницы выпустил, как Иван — крестьянский сын на

корабль попал.

Да тут и не до беседы было: видят — идут к ним трос молодцов, кряхтят-сгибаются, втроём еле-еле меч-кладенец несут.

— Вот, — говорят, — Марфа-царевна велела тебе этот меч поднять да над головой покрутить. Коль поднимешь меч, о сватовстве пойдёт речь, не поднимешь меч — голова с плеч.

Оробел царь: где же тот меч поднять, когда трое молодцов еле тащат.

А Иван — крестьянский сын подскочил, выхватил у молодцов меч из рук, покрутил над головой, потом об колени, ровно прутик, надвое переломил и обломки в стороны бросил.

— Эх, это, — говорит, — нашему царю не задача, а забава.

Тут ещё трое подходят. Два молодца богатырский лук тащат, третий стрелу волочит. Остановились перед царём Иваном, с поклоном сказали:

— Марфа-царевна так велела: колипустишь из лука стрелу, будешь гостем у неё в доме, а коль не сладишь с тетивой, голова с плеч долой.

Царь Иван в лице переменялся: где же с таким луком управиться?!

А Иван — крестьянский сын потрянул кудрями, ухватился за лук, наложил стрелу и пустил её прямо в небо. Улетела стрела к облакам, а вернулась ли на землю, кто знает!

— Что это вы нашему царю, — смеётся Иван, — детские игрушки показываете?! Лучше не мешкайте, проводите его с почётом к Марфе-царевне.

Повели царя Ивана к невесте.

Сколько он там был, столько и погостевал, а вернулся на корабль темнее тучи.

Иван — крестьянский сын спрашивает:

— Что невесел, царь? Али не хороша невеста?

— Уж так хороша — глаз не отвести.

— Так за чем же дело стало?

— Да, вишь, — говорит царь Иван, — у неё загадки не кончились. Велела к утру сшить половину свадебного платья, какого—несказывает. А у неё тоже шьётся полплатья. И чтоб сошлись две половинки, как по мерке. Не то свадьбе не бывать.

— Не кручинься, — отвечает ему Иван — крестьянский сын. — Ложись спать. Авось, пока спишь, и загадка разгадается.

Спал не спал царь Иван, а Иван — крестьянский сын дело делал. Надвинул на лоб шапку-невидимку и в город пустился. Всех швей, всех портных обегал и нашёл-таки тех, что полплатья царевне шили. Как раз они свою работу кончали, серебряный позумент на белую парчу подмётывали.

Иван — крестьянский сын на выдумки горазд. Раскинул в уголке скатёрку-хлебосолку, только развернул, а она всякими кушаньями, соленьями да сладями уставилась. Удивились портные: откуда такое взялось?.. Да не отказываться же от угощенья! Тем временем Иван — крестьянский сын схватил полплатья и за пазуху себе сунул.

Поели, поугощались портные, оглянулись: батюшки-светы!.. Нету царевнина заказа, как сквозь землю провалился. Что делать? Хорошо, что припасу на целое платье заготовлено. Принялись

опять шить-кроить.

А Иван скатёрку-хлебосолку свернул да скорей на корабль.

Ну вот, приходит утро. Принесли портные Марфе-царевне полплатья, и царь Иван подаёт ей полплатья. И сошлись обе половинки, как по мерке.

Марфа-царевна соболиные брови нахмурила и говорит: — Ну что ж, одна загадка позади, вторая впереди. К свадебному платью мне сапожок сафьяновый тачают, золотые узоры, серебряные подборы. А ты мне второй стачай, чтобы пара была.

Вернулся царь Иван на корабль ещё темней с лица, чем раньше. Рассказал своему верному слуге всё как есть.

Иван — крестьянский сын говорит:

— Эта беда не беда!

Опять побежал по городу. Всех сапожников обегал и нашёл, где сапожок царевне ладят. Всё, как в прошлую ночь, сделал — раскинул скатёрку-хлебосолку, поманил угощением мастеров, а сам сапожок унёс и скатёрку не забыл прихватить.

Еле мастера управились, другой сапожок сшили. Приносят его Марфе-царевне, а уж царь Иван там.

Надели царевне сапожки — оба впору, хоть мерь, хоть не мерь.

Марфа-царевна со зла ножками в новых сапожках затопала и опять задачу задала:

— Велела я отлить золотое узорчатое колечко. И ты такое же к утру сделай. А нет, так и свадьбе не бывать, и головы тебе не сносить.

Как в те две ночи было, так и в третью получилось. Всё Иван — крестьянский сын уладил. К утру у Марфы-царевны кольцо и у Ивана-царя такое в точности.

Тут уж Марфе-царевне деваться некуда. Что жениху ни загадывала — всё исполнено. Согласилась она замуж за него идти, в его царство-государство ехать.

Сели на корабль и пустились в обратный путь.

Иван — крестьянский сын, ясное дело, с ними. Опять под шапкой-невидимкой укрылся. Его не видят, он всех видит.

Правду говорил царь Иван — хороша собой царевна. Да ме приветлива, не добра, не улыбочива. Как ни взглянет на неё Иван крестьянский сын, свой сон вспоминает. «С чего бы это?» — думает. Но не стал гадать: поживётся — увидится.

Как отплыли, так и приплыли — буря их не настигла, морские разбойники не встречались.

Вернулись, все во дворец пошли. А Иван — крестьянский сын прямёхонько в темницу отправился. Сел, сидит. Так думает:

«Царь Иван меня в темницу посадил, да не он выпустил. Я своё дело сделал, теперь подожду царской милости-справедливости. Пускай сам обо мне вспомнит!»

А царь Иван со своей невесты глаз не сводит, всё на свете позабыл, про своего верного слугу и не вспоминает.

Только когда собрались за свадебным пиром, сестра брату сказала:

— Нехорошо, брат, старый обычай нарушаешь. К царской свадьбе все темницы настезь отворяют, виноватым волю дарят, а у тебя узничек-потюремщикек, верный слуга Иван, в темнице томится.

— Ох, ведь и правда! Что же ты его не отомкнула?

— Да не замкнута темница. Я его звала, он не идёт. Говорит: «Кто меня сюда бросил, тот и выпустить должен».

Тогда царь Иван пошёл в темницу, взял Ивана — крестьянского сына за руку и рядом с собой

посадил.

Увидела это Марфа-царевна и спрашивает:

— За что узнику такая честь?

Царь Иван отвечает:

— Теперь ты моя жена, не потаю от тебя правды. Кабы не Иван, не бывать бы нашей свадьбе. Это он твои загадки разгадывал.

Разгневалась Марфа-царевна, крикнула:

— Так вот кто меня перехитрил!

Вскочила из-за стола, сорвала со стены острую сабельку. Хотела Ивану — крестьянскому сыну голову снести, но Иван подпрыгнул — и срубила сабелька не победную головушку, а правую ногу по колено.

Тут Иван — крестьянский сын повернулся к царю Ивану и сказал:

— Вот когда мой сон до половины сбился-оправдался. Не сказывал я ею ни отцу, ни купцу, ни тебе, царю, а теперь скажу. Снилось мне лисичка-сестричка, что пути мне перегрызла, — это Марья-девица, твоя сестрица. Она меня из темницы выпустила. А ещё снилась змея лютая, что ногу мне по колено откусила, а кто она, сам понимай-угадывай. Берегись, как бы и тебе худо не было!

Никто и слова вымолвить не успел. Иван — крестьянский сын подхватил отрубленную ногу и исчез из глаз, ровно его и не бывало. Шапка-невидимка от всех его скрыла, и сапоги-скороходы помогли. Хоть и на одну ногу обул, мигом очутился далеко от дворца в тёмном лесу.

Перед ним избушка на курьих ножках, об одном окошке.

— Эге! — сказал Иван. — Да это баба-яги жильё... Стань, избушка, к лесу задом, ко мне передом!

Заскребла избушка когтистыми лапами, заскрипела брёвнышками и повернулась. Тут и дверь оказалась.

Вошёл Иван в избушку, а там двое мужиков на лавке сидят, плачут. Иван их сразу признал. Те самые, что из-за шапки-невидимки, скатёрки-хлебосолки и сапог-скороходов спорили. Присмотрелся — у одного ног нет, у другого глаз нет.

— Что ж это с вами? — спрашивает Иван.

Тот, что без ног, отвечает:

— Обман по кругу ходит, беду за собой водит. А всё из-за шапки-невидимки, сапог-скороходов да скатёрки-хлебосолки. Раздобыла их баба-яга неведомо где, может, у самого Кощея Бессмертного, а мы на них позарились. Подстерегли, когда её дома не было, да и унесли. Мы бабу-ягу перехитрили, а ты — нас.

— Простите, братцы! Не из корысти брал, по крайней надобности. Теперь назад принёс.

— Поздно, — второй мужик отзывается. — Поймала нас баба-яга, сюда приволокла, била-колотила, мучила-жучила, у него отняла ноги, у меня глаза вынула. Да, верно, и тебе несладко пришлось, коли сюда на одной ноге прискакал.

— Обо мне речь особо. Я ногу через вещий сон потерял, — отвечает Иван. — Давайте лучше подумаем, как нам бабу-ягу одолеть. Неужто мы втроём с ней не справимся?!

Вдруг застучало-загремело по лесу. Это баба-яга в своей ступе Домой возвращается, помелом след замечает.

Иван — крестьянский сын шапку-невидимку надел, у двери встал. Баба-яга в дом, а он её — за седые космы. Тут и те Двое ему на подмогу... Связали бабу-ягу, в угол на лавку посадили.

— Говори, где мои ноги?! — кричит безногий.

— Говори, куда мои глаза дела?! — кричит слепой.

Видит баба-яга — деваться некуда.

— Ноги в сундуке у печки, глаза в горшочке за печкой, — отвечает.

Посмотрел Иван — не обманула старая.

— Ну, — говорит, — веди-показывай, где у тебя живая вода. А нет, сделаем с тобой, как ты с ними сделала.

— Ваша взяла, по-вашему и будет, — соглашается баба-яга.

Посадил слепой безногого себе на закорки. Иван прихватил три ноги да глаза в горшочке — и отправились все за бабой-ягой. В густом ельничке, в частом березничке, под корнями старого дуба вырыта криница — тёмная водица.

— Вот, — говорит баба-яга, — омойте в живой воде ноги да глаза, сами омойтесь. Всё у вас срастётся без ущерба, без урона. А меня отпустите с миром.

Обрадовался слепой, хотел опустить глаза в криницу, да Иван его за руку схватил.

— Не спеши, — говорит.

А сам поймал комарика, зажал в кулаке да к уху поднёс, послушал: пищит комарик тонким голосом, на волю просится. Окунул Иван комарика в колодец, сразу он крылышки свесил, ножки раскинул, молчит, не шевелится.

— Эге, — сказал Иван, — так вот какая она водица!

Тут они маленько бабу-ягу поучили: кто берёзовым прутом, кто еловой веткой.

— Это я так, пошутить хотела, — взмолилась баба-яга.

Зашли с другой стороны дуба, а там меж корнями заблестела криница — светлая водица.

— Вот это больше похоже! — сказал Иван и опустил мёртвого комарика в воду.

Мигом комарик встрепенулся, крылышки расправил, ножками задрыгал и улетел.

Обмылись они живой водой. Разом приросло всё. Тот, который слепым был, опять белый свет увидел. Тот, кого баба-яга обезножила, на резвых ногах скачет. Да и Иван смеётся, обеими ногами притопывает.

Про бабу-ягу на радостях забыли. А как спохватились, её уж и след простыл. Попробовали было догонять, да где там! Вскочила она в свою ступу и унеслась неведомо куда. С тех пор её в том лесу никто не видывал, не слыхивал.

Мужики Ивану говорят:

— Бери что хочешь, хоть шапку-невидимку, хоть скатерть-хлебосолку, хоть сапоги-скороходы.

Иван отмахивается:

— Мне они теперь без надобности. Владейте ими сообща да не ссорьтесь. А мне недосуг с вами. Моя служба не кончена, сон не до конца сбылся.

И пошёл Иван — крестьянский сын обратной дорогой, туда, откуда пришёл.

Вот лес кончился, город завиднелся. А между лесом и городом большой луг. На том лугу какой-то человек табун лошадей пасёт. Подошёл Иван поближе, смотрит — да это сам царь Иван с плёткой вокруг табуна похаживает, на коней покрикивает.

Иван — крестьянский сын удивляется, спрашивает:

— Нешто это царское дело — коней пасти?!

Царь Иван отвечает:

— Ох, Иван, верный ты мой слуга, скажу тебе по всей правде: ничего на свете хуже нет, чем лютая жена. Точит она меня с утра до ночи, с ночи опять до утра. Вот коней пасти заставила. А кони, ровно заговорённые, домой не идут.

Иван — крестьянский сын сказал на это:

— Не горюй, царь, всё поправится. Я тебе полена открыл, а сам-то его до конца видел. Поменяемся одежкой, я заместо тебя к твоей жене пойду. А ты, как кони домой побегут, иди за ними. Что сбудется, то и будет, а хуже не станет.

Вот приходит Иван — крестьянский сын ко дворцу в царской одежде. Марфа-царевна издали в окошко его увидела, за мужа приняла. Выскочила на крыльцо, ногами топает, бранится.

— Ты зачем, такой-сякой, явился, коней без присмотра оставил?!

Ну, Иван — крестьянский сын не испугался, сам долго не раздумывал и ей опомниться не дал. Схватил её за косу, на землю бросил. Ударилась она оземь, змеёй оборотилась, шипит, извивается, жалом Ивану грозит.

Иван и тут не растерялся. Ударил змею прутом и сказал:

— Побыла змеёй, стань верной женой. А вы, резвы кони, скачите домой.

Тут всё по его слову и сделалось.

Спала змеиная шкура со змеи, и встала перед Иваном — крестьянским сыном девица-красавица. Та же Марфа-царевна, да не та. Лицо приветливо, румяные уста улыбки.

А уж конский топот близко слышится — это табун домой бежит, и царь Иван на ретивом коне впереди скачет.

Бросилась к нему Марфа-царевна, плачет и смеётся. Обнимает мужа, приговаривает:

— Милый мой муж, коли можешь, зла не попомни. Не моя на то была воля. Лихая мачеха моего батюшку в могилу свела, а меня заклала злым заклятьем, моей красе завидуя. Вот что сказала: «Никому ты не достанешься, а и достанешься, так не на радость. Будешь ты с виду красная девица, а нравом — змея подколотная». Сказала так и скрылась неведомо куда. Много женихов ко мне сваталось, да все головы сложили. И тебя бы я погубила, кабы не твой верный слуга Иван. Загадки он разгадал и заветное слово нашёл. Спало с меня заклятьем, как змеиная шкура... С этого дня, с этого часа буду тебе, муж мой, царь Иван, доброй женой, а Ивану — крестьянскому сыну сестрицей названной.

— Вот, царь, — сказал Иван — крестьянский сын, — когда мой сон до конца исполнился. Теперь служба моя у тебя кончилась. Пора идти к батюшке родному, сон рассказать, чтобы на меня не гневался. А ты, царь, живи с Марфой-царевной в ладу да согласи.

— погоди, — говорит царь Иван. — Не слугой ты мне был, а побратимом. Требуй награды, какой хочешь. Хоть полцарства тебе подарю.

— Зачем мне полцарства, — отвечает Иван — крестьянский сын. — Мне милей землю пахать и зерно в борозду кидать. А вот не отдашь ли ты мне в жёны сестру, да не силком, а по её доброй воле? Полюбилась она мне. Только люб ли я ей — её спроси.

Царская сестра Марьюшка с радостью дала согласие. Давно ей по сердцу Иван — крестьянский сын пришёлся. Сыграли свадьбу. Три дня пировали, три ночи плясали. Мы бы на том пиру побывали, да нас туда не позвали.

А как кончилось веселье, отправился Иван с молодой женой, царской сестрицей, в родные края, к отцу-батюшке. Что снилось, как сбылось — всё ему рассказал.

Зажили все в новом доме, и тепло им было, и сытно. Жаловаться не на что.

Больше баять нечего, нашей сказке конец.